

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

BL
935
P418

IVANOV
KULBT PERUNA

**STANFORD
LIBRARIES**

FUMIGATED 12-18-78

И. Ивановъ.

Ивановъ, И.

КУЛЬТЪ ПЕРУНА

У ЮЖНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

I—V.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1904.

Г. Ивановъ.

Ивановъ, Г.

КУЛЬТЪ ПЕРУНА

У ЮЖНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

—
I—V.

—
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лн., № 12.

1904.

BL 935
P4I8

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1904 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности
Императорской Академіи Наукъ, т. VIII (1904 г.), кн. 4-ой, стран. 140—174.

Культь Перуна у южныхъ славянъ.

I.

Вопросъ о Перунѣ въ славянской мѣологіи.

Ходъ славянской мѣологіи очень интересенъ: чѣмъ легче обогащалась ея область, тѣмъ скорѣе и сѣуживались границы этой области, пока наконецъ отъ нея не осталось чужь ли не нѣсколько невыясненныхъ именъ. Въ 18-мъ и въ началѣ 19-го вѣка, съ открытіемъ группы памятниковъ западно-славянской старины, съ публикованіемъ многихъ литературныхъ произведеній древне-русской старины, съ изслѣдованіемъ простонароднаго быта славянъ, при томъ обаяніи разукрашеннаго прошлаго національности, каковымъ его представляла наступившая уже романтическая эпоха, — естественнымъ становится желаніе заглянуть въ затаенные уголки быта славянъ съ цѣлью открыть какихъ-либо свѣдѣній о старинной религіи славянъ. Да при томъ существовала еще другая приманка объ этомъ: греческая и римская мѣологіи, прелестный ореолъ классическаго прошлаго, соблазняли, возбуждали патріотизмъ славянина, заставляли его тоже создать у себя дома свой Олимпъ съ своими богами и богинями.

Первоначальные опыты къ очертанію славянской мѣологіи далеко не имѣли научнаго характера. *Михаилъ Поповъ* высказался о своемъ «Краткомъ описаніи славянскаго баснословія»,

1768, что это сочиненіе «сдѣлано больше для увеселенія читателей, нежели для важныхъ историческихъ справокъ» ¹⁾, а *Григорій Глинка* самъ признавалъ, что только отъ себя дѣлалъ прибавленія въ своемъ сочиненіи «Древняя религія славянъ», Митава, 1804 ²⁾. Сочиненіе *Кайсарова* «Versuch einer slavischen Mythologie in alphabetischen Ordnung, Göttingen, 1803» какъ ни хорошо было встрѣчено его современниками ³⁾, однако въ немъ все-таки видны ошибки тогдашней исторической безкритичности и плохое изслѣдованіе памятниковъ; тѣ же самые недостатки замѣтны до сихъ поръ у всѣхъ авторовъ, писавшихъ о славянской мѣологіи подъ вліяніемъ мѣологической школы Гримма ⁴⁾.

---

1) А. Н. Пыпинъ, *Исторія русской этнографіи*, I, Спб., 1890, стр. 73. Все-таки мѣологія Попова дѣликомъ вошла въ сочиненіе Леклерка «Histoire de la Russie» (Срв. Сборникъ Импер. Акад. Н., LXV, въ статьѣ о Кайсаровѣ, стр. 16), а отсюда — въ «Dictionnaire de la fable par Fr. Noel, 2-e éd. Paris 1803». (Срв. Préface, p. XXIV—XXV).

2) А. Н. Пыпинъ, тамъ же, стр. 73.

3) Сборникъ Импер. Ак. Наукъ, LXV, въ статьѣ о Кайсаровѣ.

4) Сахаровъ, *Сказанія русскаго народа*, I, Славяно-русская мѣологія, Москва, 1836; Касторскій, *Начертаніе славянской мѣологіи*, 1841; Hapusch, *Die Wissenschaft des slawischen Mythus*, Wien, 1842; Срезневскій, *Святылища и обряды языческихъ славянъ*, Харьковъ, 1846; Костомаровъ, *Славянская мѣологія*, 1847; Аванасевъ, *Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу*, Москва, 1866—69; Котляревскій, *О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ*, Москва, 1868; Szulc, *Mythologija Sławiańska*, Poznań 1880; Świerzbilsky, *Wiara Słowian*, Warszawa, 1884; Фаминцынъ, *Божества древнихъ славянъ*, Спб., 1884; Nodilo, *Religija Srba i Hrvata* въ *Rad.-ѣ*, кн. 77, 79, 81, 84, 85, 89, 94, 99 и 101; Соколовъ, *Старо-русскіе солнечные боги и богини*, Симбирскъ, 1887; Сырцовъ, *Мировоззрѣніе нашихъ предковъ русскихъ*, вып. I, Мѣологія. Кострома, 1897; Leger въ первомъ своемъ мѣологическомъ очеркѣ въ «Cyrille et Méthode». Paris, 1868, писалъ въ этомъ направленіи, но позже въ другомъ своемъ сочиненіи «Esquisse sommaire de la Mythologie slave». Paris, 1882, и въ «La Mythologie slave». Paris, 1901, сталъ на болѣ критическую точку зрѣнія; Gržetič, *O vjeri starih slovjena*, Mostar, 1900, и др. У болгаръ общіе баснословные очерки въ духѣ мѣологической школы писали Раковскій и Якимъ Груевъ, первый въ своемъ «Горскій Пѣтникъ», Новый Садъ, 1857, стр. 167, и послѣдній въ переведенной на болгарскій языкъ А. Г. Начевымъ, Мѣологія Жерузеца, 1873, стр. 152—159. Недавно Ю. П. Георгиевъ принялъ тотъ же самый взглядъ въ своемъ сочиненіи «Старитѣ и днешнитѣ вѣрванія на българитѣ». Търново, 1900.

Но когда было открыто, что нѣкоторые изъ памятниковъ, давшихъ обильный матеріалъ для міеологіи, были поддѣланные (напр. портретъ бога Радигаста, Прильвицкіе идолы, Судъ Любуши, Крамледворская рукопись, словарь *Mater Verborum* и т. д.), большая часть боговъ выброшена была изъ славянскаго пантеона. И особенно съ тѣхъ поръ какъ Делоншанъ, Бенфей и др. миграціонисты ¹⁾ указали на возможность устнаго и литературнаго заимствованія того, что мы считали исконнымъ; съ тѣхъ поръ какъ школа Макса Мюллера доказала, что многія изъ міеологическихъ именъ ничто иное какъ пустыя слова, произшедшія отъ ненормальности языка—«Міеологія—болѣзнь языка»—съ тѣхъ поръ и поколеблено было въ основѣ зданіе баснословія вообще и славянскаго въ частности. Сначала отдѣльные голоса, а потомъ, во второй половинѣ 19-го вѣка, возникла уже цѣлая школа ученыхъ, смотрѣвшихъ съ колебаніемъ на достовѣрность славянскихъ міеовъ. Увлеченіе ученыхъ Гриммовской школы дошло наконецъ до *pes plus ultra*, вслѣдствіе чего и въ каждомъ попавшемся или же выдуманномъ словцѣ стали видѣть пра-славянское или же индійское божество, — такой обратной крайностью отличались нѣкоторые послѣдователи миграціонной школы. Дѣло это дошло ужъ до того, что изъ русскаго, на-примѣръ, Олимпа выброшены были всѣ божества. Кирпичниковъ ²⁾ сберегъ только одного Перуна, а Шеппингъ ³⁾, выбросивъ даже и послѣдняго, призналъ русскимъ только Волоса, когда, напротивъ, всѣ почти остальные изслѣдователи считаютъ его чужимъ, иноземнымъ. Послѣ того и не удивительно, что г. Б.-де-Куртенэ выразился слѣдующими словами: «Не смотря на множе-

---

1) Deslongchamps, въ своемъ «*Essai sur les fables indiennes et sur leur introduction en Europe*», Paris 1838, является предтечею основателя миграціонной школы Бенфея (Срв. Созоновичъ, Задачи и способы изученія народной словесности. Варшава, 1887).

2) Что мы знаемъ достовѣрнаго о личныхъ божествахъ Славянъ. Журн. М. Н. Пр., ч. 241, стр. 47—65.

3) Миры славянскаго язычества. Москва, 1849, стр. 117. Тотъ-же авторъ въ Фил. Зап. 1888, кн. VI.

ство болѣе или менѣе значительныхъ трудовъ, посвященныхъ славянской мифологіи, можно безъ преувеличенія сказать, что такой науки до сихъ поръ не существуетъ»¹⁾, или что г. Ягичъ, по случаю появленія славянской мифологіи Мэхала, воскликнулъ: «eine slavische Mythologie!»²⁾.

Возникнувшее такимъ образомъ у нѣкоторыхъ мифологовъ сомнѣніе поколебало отчасти и достовѣрность единственнаго да при томъ самого неоспоримаго славянскаго божества— Перуна, о которомъ существуетъ болѣе всего документовъ. Гриммъ первый указалъ на то, что славянское Перунъ вѣроятно происходитъ отъ готскаго слова *fairguni*, гора³⁾. Въ Эддѣ мать Тора очень часто называется *Fjörgyn* — имя, которымъ именуется и сынъ ея, громовникъ Торъ. Шеппингъ во второй разъ уже берется представить Перуна неславянскимъ божествомъ, перешедшимъ до славянъ черезъ литовцевъ и латышей⁴⁾. Въ послѣднее время Рожнецкій въ своей статьѣ о Перунѣ и Торѣ⁵⁾ высказалъ мнѣніе о вліяніи культа норвежскаго Тора на культъ Перуна у русскихъ, не отрицая славянское происхожденіе Перуна. Подобное мнѣніе было высказано гораздо ранѣе Погодинымъ. Французскій славистъ Леже не отрицаетъ Перуна у русскихъ, однако все-таки сомнѣвается о его существованіи у западныхъ и южныхъ славянъ⁶⁾. Ему, а равно и никому изъ современныхъ мифологовъ, неизвѣстенъ какой-либо историческій южно-славянскій текстъ, въ которомъ бы встрѣчалось имя Перуна. Сомнѣніе Леже подкрѣплено было однимъ письмомъ профессора Шишманова, который заявилъ, что нигдѣ въ болгарскомъ фольклорѣ не встрѣчалось ему имя Перуна⁷⁾.

1) Журн. М. Н. Пр., ч. 230, стр. 145.

2) Archiv für slav. Phil. XIV, стр. 633.

3) J. Grimm, Deutsche Mythologie, I⁴, стр. 143.

4) Д. Шеппингъ, Мифы слав. язычества, М. 1849, стр. 116, 117; Фил. Зап. 1888, кн. VI, стр. 6.

5) St. Rożniecki, Perun und Thor, ein Beitrag zur Quellen-kritik der russischen Mythologie. Archiv f. sl. Ph. XXIII, стр. 462—520.

6) L. Leger, La Mythologie slave. Paris, 1901, стр. 54, 59, 63.

7) Тамъ же, стр. 59.

При этих сомнѣніяхъ съ одной стороны, успѣвшихъ уже отразиться и въ популярныхъ сочиненіяхъ по славянской мифологіи¹⁾, при упорныхъ утвержденіяхъ²⁾, съ другой стороны, о существованіи общеславянскаго культа Перуна, вопросъ о Перунѣ пока остается еще открытымъ. Мы не будемъ заниматься этимъ вопросомъ въ его общеславянской цѣльности, а лишь только рассмотримъ культъ Перуна у южныхъ славянъ, откуда и постараемся вывести неизвѣстныя до сихъ поръ показанія.

II.

Этимологія имени Перунъ.

О происхожденіи и о этимологическомъ образованіи слова Перунъ мнѣнія ученыхъ еще не сходятся. Нѣкоторые находятъ въ немъ индо-европейскій корень *park, spark*³⁾; другіе предполагаютъ, что это старо-германская форма **Perkūnos, *Ferxūnaz, *Ferkūnaz* съ значеніемъ высокій⁴⁾; третьи сближаютъ его съ ведическимъ *Pardjanya*, съ скандинавскимъ *Fiörgyn*, съ латинскимъ *quercus*, съ старонѣмецкимъ *forha*, съ литовскимъ *Perkūnas*⁵⁾. Кажется, что въ данномъ случаѣ очень многое принесть намъ кельтское названіе теперешней германской Черной-Горѣ съ восточными ея хребтами. Эти горы у Аристотеля извѣстны подъ именемъ 'Αρχύνια ὄρη⁶⁾, у Аполлонія Родосскаго Σχόπελος 'Ερχύνιος⁷⁾, у Цезаря Sylva Hercynia⁸⁾. Такимъ обра-

1) A. Lefèvre, Germains et slaves, origines et croyances. Paris, 1903, стр. 220.

2) Какъ напримѣръ Krek, Einleitung in die slavische Literaturgeschichte, 2-е Aufl. Graz, 1887, стр. 383 и слѣд.

3) A. Fick, Vergl. Wört. der Indogerm. Sprachen. I³ Göttingen, 1874, стр. 143.

4), 5) O. Schrader, Reallexicon der Indogerm. Altertumskunde. Strassburg, 1901, стр. 295.

6) Τῶν δ' ἄλλων ποταμῶν οἱ πλεῖστοι πρὸς ἄρκτον ἐκ τῶν ὄρων τῶν Ἀρχυνίων. ταῦτα δὲ καὶ πλῆθει μέγισται περὶ τὸν τόπον τοῦτόν ἐστιν (Aristotelis, Meteorolog. lib. I, 13, 20).

7) A. Lefèvre, Les Gaulois. Paris, 1900, стр. 15.

8) De bello Gallico, VI, 25.

зомъ выходитъ, что кельты называли ее *Аркуніей*, *Еркуніей*, что и соответствуетъ слову *Паркунія* или *Перкунія*, такъ какъ одна изъ главнѣйшихъ особенностей кельтскаго языка это выбрасываніе инициальнаго индо-европейскаго П ¹⁾. Позже, въ IX в. нашей эры, поселившіеся тамъ германцы, по свойствамъ своего языка, замѣняя индо-европейское П—Ф, произносили имя этой горы *Fergunna* ²⁾. Слѣдовательно, отсюда становится очевиднымъ, что это *Fergunna*, какъ и норвежское *Fjörgyn*, ведутъ свое начало отъ другого болѣе стараго общаго слова, начинающагося на П, каковымъ въ дѣйствительности это слово встрѣчается у славяно-литовцевъ и въ языкѣ Ригъ-Веды, или такъ сказать славяно-литовское слово на П какъ и кельтское съ отпавшимъ П старѣе, и при томъ индо-европейское, а германское слово на F выходитъ новѣе, позднѣе по своему образованію.

Корень *пер* въ смыслѣ *ударъ* очень распространенъ, и при томъ съ опредѣленнымъ значеніемъ въ старомъ и во всѣхъ новыхъ славянскихъ языкахъ, а такимъ же точно является дѣятельный суффиксъ *-унъ*, такъ что никакимъ образомъ нельзя и говорить въ данномъ случаѣ о какомъ бы то ни было вліяніи литовскаго языка, напримѣръ, на южно-славянскіе. Старо-болгарское *перж*—наносу удары, колочу, порю, твердится и во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Очень интересно употребленіе глагола *перѣ*, *перем* въ ново-болгарскихъ нарѣчіяхъ съ значеніемъ *сильно бью*, *наносу удары*. Крестьянинъ, погоняя своихъ воловъ, чтобы шибче двигались, обращается къ нимъ съ словами: «искаш да те *пѣрем*, та не врвиш!» «Дъждѣтъ *перѣ* ли *перѣ*», говорятъ повсюду въ Болгаріи во время ливня. «*Напрѣ'а* го *убаво*», говорятъ о сильно битомъ человѣкѣ. «Ако те *пѣрнем* еднашъ», такъ обращаются иногда къ провинившимся. Такимъ же точно является и дѣятельный суффиксъ—*унъ*, входящій въ составъ слова Перунъ. У русскихъ, напримѣръ, очень обыкновенны слѣдующія образованія:

1) Сообразно съ этимъ, напр. *Pater* у кельтовъ выговаривалось *Athir*, *percia*—огс и проч. Срв. Brugmann, Grundriss I. Strassburg, 1886, стр. 271.

2) A. Lefèvre, Les Gaulois, стр. 16.

блунъ, прыунъ, скакунъ, топтунъ (тяжело ходящій) ¹⁾, *кликунъ, пискунъ, ползунъ, плакунъ* ²⁾ и т. п. Забѣлинъ указываетъ и на имя *Ярунъ* ³⁾. Въ Владимірской губерніи существуетъ повѣріе о *летунѣ* — существе, являющемся вдовамъ въ образѣ ихъ умершихъ мужей ⁴⁾. У чеховъ существуетъ *běhouin, křiklouin* и т. п. Южно-славянскія нарѣчія особенно изобильны образованіями на *-унъ*, при томъ не только въ нарицательныхъ, но и въ собственныхъ именахъ.

Что старымъ югославянамъ не были чужды имена на *-унъ*, это видно изъ того, что еще въ VI в. славянинъ *Сварунъ* (Σουαρουνας, σκλάβος άνήρ) былъ воеводой у Юстиніана и отличился въ персидской войнѣ въ 555 г. ⁵⁾. Если допустить, что и въ дунайскомъ старо-болгарскомъ княжествѣ была и славянская примѣсь, тогда имя Куртова наслѣдника—*Гостунъ* ⁶⁾, съ начала VII в., точно также обращаетъ на себя вниманіе какъ славянское, тѣмъ болѣе, что и теперь существуетъ чисто-болгарское (славянское) село *Гостунъ* въ окрестностяхъ Неврокопа ⁷⁾. Въ VIII в. встрѣчается личное имя *Славунъ* (Σκλαβουνος), князь славянскаго племени *сѣвери* ⁸⁾, — имя одного изъ семи племенъ, подчиненныхъ Аспарухомъ, — плѣненный тайными агентами Копронима и послѣ, вѣроятно, погибшій отъ смертной казни ⁹⁾. Въ XIV в. упоминается о городѣ *Добрунъ* въ Македоніи, взятомъ Стефаномъ Дечанскимъ послѣ Вельбуждскаго пораженія ¹⁰⁾. Въ южно-

1) Р. Ф. В., 1903, кн. 1 и 2, стр. 44.

2) Ив. Забѣлинъ, Исторія русской жизни. Москва, 1879, II, стр. 276.

3) Тамъ же, стр. 323.

4) Живая Старина, 1901, III—IV, стр. 136.

5) Иречекъ, Исторія Болгаръ, Одесса, 1878, стр. 100.

6) В. Н. Златарски, Студии по българската история. София, 1903, стр. 20.

7) В. Кжичовъ, Македония, София, 1900, стр. 195.

8) Новое чтеніе текста: Ἀποστείλας δὲ ὁ βασιλεὺς λάθρα εἰς Βουλγαρίαν ἐπίσπευτον Σεβέρων ἀρχонта Σκλαβουνον, τὸν πολλὰ κακὰ ἐν τῇ Θράκῃ ποιήσαντα. Theophanis Chronographia. Ed. C. de Boor, Lipsiae, 1883, I, стр. 436.

9) В. Н. Златарски, тамъ же, стр. 23.

10) Данило, Животи краѣва и арх. српских. Изд. Ђ. Даничић. Загреб, 1866, стр. 197.

славянскихъ памятникахъ XV—XVII в., изданныхъ въ «Гласникъ» 42, встрѣчаются имена, образованныя суффиксомъ *-унъ*. Примѣромъ могутъ послужить слѣдующія изъ нихъ: *Перуника*, *Бтуна*, *Добрунь*, *Милунъ*, *Милуна*, *Радунъ*, *Радуня*, *Тихунъ* и др. Современные южно-славянскія нарѣчія точно также обильны подобными примѣрами: *блдуна ѿбѣлка* въ Дибрѣ, *Бтунювици* — село въ Трнскомъ уѣздѣ, *Бтунци* — село на болгарской Моравѣ, *Медуны* — село вблизи Подгорицы, *кѣлеун* — (клювъ) въ окрестностяхъ Сыстова, *медунъ* — самецъ медвѣдь въ окрестностяхъ Тетевена, въ Габровѣ, *пискунъ*, *юрунъ* (*quercus pedunculata*) въ Еленѣ, *сладунъ* (*quercus conferrata*) въ Еленѣ, *блаунъ* (*quercus conferrata*) въ окрестностяхъ Лома, и т. д.; имена лицъ у болгаръ: *Петруна*, *Радуня*, *Галуна*, *Перунъ*, *Парунъ*, *Перуна*, *Спасуна* и т. д. Маретичъ вычисляетъ около 40 личныхъ именъ на *-унъ* у сербо-хорватовъ ¹⁾.

Слѣдовательно, обширное употребленіе составныхъ частей имени Перуна какъ и самого этого имени у нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ, особенно же у южныхъ славянъ, гдѣ вліяніе литовцевъ и норвежцевъ, послѣ расселенія славянъ, стало невозможнымъ, свидѣтельствуетъ о *существованіи этой самой формы Перунъ въ общеславянской эпохѣ*. О происхожденіи и формѣ этого имени раньше той эпохи можно только предполагать. Связь имени Перуна съ однимъ предполагаемымъ индоевропейскимъ **parg*, съ ведическимъ *Pardjanya*, съ кельтскимъ (P)erkunia, съ норвежскимъ *Fjörgyn*, съ литовскимъ *Perkunas* (Parkones) ²⁾ очень вѣроятна. Предполагаемое **Parg-un-ia* въ нѣкоторыхъ языкахъ было сохранено съ кореннымъ гортаннымъ звукомъ, а въ славянскомъ имя это отодвинулось въ другомъ направленіи съ очень употребляемымъ корнемъ *per* безъ гортаннаго звука. И польское слово *Piorun* указываетъ на то, что имя

1) Maretić, Narodna imena i prezimena u Hrvata i Srba (Rad, 82, стр. 128—9).

2) Veckenstedt, Die Mythen, Sagen und Legenden der Žemaiten (Litauer), II. Heidelberg, 1883, стр. 255, указываетъ на форму Parkenas какъ на болѣе старую, чѣмъ Perkunas. Срв. A. Brückner въ Archiv f. sl. Ph. IX, стр. 21.

это развилось на чисто мѣстной славянской почвѣ, гдѣ *e* перешло въ *io*, какъ это и въ глаголѣ *перж*—*piorę*, *верж*—*biorę*. Чужія слова, остающіяся безъ значенія для заимствовавшихъ, звучать какъ и въ чужомъ языкѣ. Еслибы у славянина поляка не существовало слово Перунъ и еслибы онъ занималъ непонятное ему литовское слово, онъ бы произносилъ это слово *Перкуномз*, а не *Піорунмз*.

Ясная славянская этимологія слова Перунъ уже указываетъ намъ, каковымъ былъ главный миѣическій атрибутъ этого славянскаго божества, или, лучше сказать, которое изъ природныхъ явленій именуется этимъ словомъ. Переводъ же этого имени другимъ, болѣе яснымъ южно-славянскимъ словомъ, будетъ *биячъ*, *удрячъ*, *грюмовникъ*. За отсутствіемъ какихъ бы то ни было историческихъ текстовъ, которыми было бы указано на другой атрибутъ Перуна, мы не въ состояніи съ достовѣрностью сказать, что древне-славянскій Перунъ былъ, напимѣръ, кромѣ громовника, и дождевникомъ. Дѣйствительно, южно-славянскій фольклоръ отдаетъ эти два атрибута св. Ильѣ, замѣнившему позже Перуна, однако съ полнымъ правомъ можно утверждать, что они ничто иное, какъ новѣйшее наслоеніе. Впрочемъ соименникъ Перуна, *Pardjanua*, въ Ригъ-Ведѣ даритъ благодѣтельными дождями, спасительныя воды орошаютъ увядшія растенія. Самъ *Pardjanua* олицетворяетъ тучи. Теленокъ его—дождь, а ревъ—громъ ¹⁾).

III.

Историческія, географическія, фольклорныя и др. свидѣтельства.

Прежде всего вспомнимъ бѣгло о главнѣйшихъ свидѣтельствахъ о Перунѣ у русскихъ и западныхъ славянъ. Прямымъ доказательствомъ боготворенія Перуна на Руси во время язычества

---

1) *Rig-Veda*, V; 7, 1—2.

служить лѣтопись Нестора, въ договорахъ между русскими и Византіей въ 907, 945, 971 годахъ; Новгородская лѣтопись, Галицкій текстъ съ 1302 г. ¹⁾). Въ чехо-словацкой старинѣ до сихъ поръ не открытъ еще какой-либо текстъ съ именемъ Перуна. Нѣкоторые мифологи довольствуются только указаніемъ на двѣ словацкія пѣсни, записанныя восторженнымъ славянофиломъ Коларомъ ²⁾). Въ этихъ пѣсняхъ упоминается о *Buoh-ѣ Parom-ѣ*. Въ словарѣ словацкаго языка встрѣчается между прочимъ и глаголь *peruntati*, трещать, съ прилагательнымъ *perunský*, а также есть и нѣсколько заклинаній съ именемъ *Parom*, *Peron* (*Parom do tebe, Peronova strela t'a zabila*) ³⁾). Польскимъ королемъ Владиміромъ запрещенъ былъ народный обычай поддерживать вѣчный огонь Перуна (*Pioguna*) ⁴⁾, имя котораго и теперь у поляковъ пользуется столь обширнымъ употребленіемъ въ смыслѣ *грома*. Опять попадаютъ здѣсь мѣстные имена, посвященные Перуну ⁵⁾. Что и прибалтійскіе славяне именовали бога-громника тѣмъ-же самымъ именемъ, видно изъ названій *perendan*, вполне соответствующее нѣмецкому *Donnerstag*. Замѣчательно, что у черногорцевъ до сихъ поръ по четвергамъ еще чтутъ громовника отъ градобитія ⁶⁾. Крайне неумѣстнымъ было бы въ данномъ случаѣ искать здѣсь сѣвернаго вліянія (*Donnerstag*). О итальянскомъ вліяніи тутъ еще можно допустить (четвергъ = день Юпитера = *Iovis dies* = *giovedi*), однако все-таки необъяснимымъ становится, существовало ли у латинянъ подобное повѣріе какъ у черногорцевъ или же этотъ случай ничто иное какъ чисто-славянскій праздникъ, и, слѣдовательно, здѣсь и слова не можетъ быть о заимствованіи. Извѣстныя до сихъ поръ историческія сообщенія о *Proven-ѣ* ⁷⁾, въ честь кото-

1) Máchal, *Nákres slovanského bájeslóvi*. Praha, 1891, стр. 28.

2) Тамъ же, стр. 23.

3) *Slovanský Sbornik*, V, стр. 26. — Máchal, стр. 20.

4) *Slovanský sbornik*, V, стр. 27.

5) *Jireček* въ *Č. Č. M.*, 1863, стр. 154.

6) П. А. Ровинскій, Черногорія, II т. Спб., 1901, стр. 453.

7) *Helmoldi Chronica Slavorum*. Hannoverae, 1868, I, стр. 83.

раго посвящали дубы, и о *Porenutius*-ѣ ¹⁾ на островѣ Рюгенѣ приводятся нами съ оговоркой. Другія имена у западныхъ славянъ насчитываетъ Крекъ ²⁾).

Свидѣтельство Прокопія въ VI в. о культѣ громовника у южныхъ славянъ является вполне классическимъ и неоспоримымъ: «Славяне признають одного только властителя этой вселенной, одного бога, творца молніи. Ему они приносятъ въ жертву воловъ и другихъ животныхъ» ³⁾. Въ тѣсной связи съ этимъ свидѣтельствомъ о жертвоприношеніи воловъ богу громовнику находится, по всей вѣроятности, доселѣ сохранившійся у южныхъ славянъ обычай на день св. Ильи убивать быковъ, телятъ, и мясо ихъ раздавать всѣмъ поселянамъ. Такъ, «въ окрестностяхъ Велеса (Македонія) на день св. Ильи отъ имени цѣлаго села приносится общая жертва. Всѣ поселяне сходятся на опредѣленномъ мѣстѣ, такъ называемомъ *оброчишъ*. Тутъ именно убивается волъ, и мясо его заваривается въ общемъ котлѣ. Такъ приготовленное мясо распределяется по частямъ всѣмъ семьямъ, готовящимъ каждое для себя особый обѣденный столъ. Жертва считается дѣйствительною послѣ исполненія нѣкоторыхъ обрядовъ и чтенія особыхъ молитвъ сельскимъ священникомъ. Подобныя празднества съ жертвоприношеніями устраиваются очень часто во многихъ мѣстахъ въ Македоніи» ⁴⁾. Этотъ обычай существуетъ также въ освобожденной части Македоніи, въ окрестностяхъ Кюстендиля ⁵⁾. Ворачекъ описываетъ подробно этотъ обычай у родопскихъ болгаръ въ Пловдивскомъ (Филиппопольскомъ) селѣ Ярловѣ, гдѣ приносятъ въ жертву овецъ на высокомъ холмѣ, поросшемъ *дубами*, называемомъ *Св. Илія* ⁶⁾.

1) Saxo Grammaticus, Gesta Danorum. Strassburg, 1886, стр. 578.

2) Krek, Einleitung. 2 Aufl., стр. 385, 386.

3) Θεὸν μὲν γὰρ ἓνα τὸν τῆς ἀστραπῆς δημιουργὸν πάντων κύριον μόνον αὐτὸν νομίζουσιν εἶναι· καὶ θύουσιν αὐτῷ βόας τε καὶ ἱερεῖα πάντα. Proc. De bello Gothico, III, 14.

4) Шапкаревъ, Сборникъ, кн. VII, София, 1891, стр. 185.

5) Любеновъ, Баба Ега, Търново, 1887, стр. 19.

6) Perunova slavnost' v Rhodopách (Slov. sbornik, V, стр. 77—79).

Въ житіи св. Димитрія Солунскаго находимъ интересное свѣдѣніе о богѣ *Пиринѣ*. Въ 676 году, при осадѣ Солуна славянами, воевода ихъ Хационъ спросилъ по своему обычаю у оракула, удастся ли ему войти въ городъ ¹⁾. Пириномъ сказано ему было въ отвѣтъ (какъ это стоитъ въ болгарскомъ изданіи житія), что войдетъ ²⁾. Однако до появленіи въ печати критическаго изданія рукописей этого житія, мы должны воздержаться отъ всякихъ заключеній, ссылаясь только на прибавку *ἐκ τοῦ Πύρηνος* (sic). Разъ это утверждено, тогда уже все, чего недостаетъ у Прокопія, именно имя громовника, будетъ дополнено.

Въ одномъ изъ старо-болгарскихъ переводовъ *Александріи*, сохраненной въ русской переписи, еллинскій громовержецъ Зевсъ, отецъ Александра Великаго, поименованъ славянскимъ Перуномъ: *снѣ вѣжи, Пороуна велика, црѣ 'Алексан'дръ* ³⁾: *υἱὸς Θεοῦ Διὸς τοῦ μεγάλου, βασιλεὺς 'Αλέξανδρος*.

Еще однимъ свидѣтельствомъ о культѣ Перуна у болгаръ служить недавно опубликованная профессоромъ В. Н. Златарскимъ исторія болгаръ іеросхимонаха Спиридона. Отецъ Спиридонъ несознательно является въ этомъ произведеніи первымъ болгарскимъ фольклористомъ. Онъ упоминаетъ, что въ XVIII в.,

1) *Ὁ τῶν αὐτῶν Σκλαβίνων ἑξαρχος τοῦ νομα Χάτζων, κατὰ τὸ αὐτὸ εἰθισμένον διὰ μαντείας ἠτήσατο μαθεῖν, εἰ εἰσελθεῖν ἔχοι ἐν τῇ Θεοφυλάκτῃ ἡμῶν πόλει. Tougaard, De l'histoire profane. Paris, 1874, стр. 126.*

2) Въ изданіи Тугара напечатано только *καὶ εἰρήθη αὐτῷ ὅτι εἰσελθεῖν ἔχει* (и сказано имъ было въ отвѣтъ, что войдетъ). Однако въ одномъ извлеченіи П. Р. Славейкова изъ того-же самаго житія (Житіе на св. Димитрія Солунски, Цариградъ, 1868) находимъ, что упомянутому воеводѣ отвѣчено было Пириномъ (*ἐκ τοῦ Πύρηνος*), стр. 41. Славейковымъ не упомянуто, откуда сдѣлано имъ его болгарское извлеченіе; съ другой стороны самъ Тугаръ заявляетъ (стр. XIII), что прочесть это житіе въ Парижской рукописи составляетъ громадное затрудненіе, какъ и исправить, или сличить его съ другими рукописями. Если дѣйствительно Славейковымъ намъ дана вѣрная перепись имени, можно бы сказать, что *Πύρηνος* (gen.) соответствуетъ одному *Pyrun, Porep, Perun* (Grek, Einleitung, стр. 385).

3) В. Истринъ, *Александрія русскихъ хронографовъ*. Москва, 1893, стр. 114—115. Ягичъ относитъ этотъ переводъ въ старо-болгарскую эпоху. *Archiv f. sl. Ph.* XVI, стр. 223.

когда онъ жилъ въ Болгаріи, почитали еще Перуна и чествовали его во время бездождія: И сего Перѣна болгары почитаютъ: во время бездождія, собираются юноши и дѣвцы и избираютъ единого, или отъ дѣвцы или юношахъ, и облачаютъ его въ мрежѣ, аки въ вагрѣаницѣ, и сплетѣтъ ему вѣнецъ отъ вѣрѣновъ въ образъ крѣпа Перѣна, и ходятъ по домахъ, играюще и спѣвающе часто поминающе вѣса того, и поливають водами и Перѣна того, и сами себѣ; людіе же вѣзмѣни дають имъ милостыню ¹⁾. Замѣтка эта отца Спиридона очень важна еще потому, что съ открытіемъ ея теперь легко можно разрѣшить не выясненный до сихъ поръ вопросъ балканскаго фольклора — значеніе и происхожденіе слова туртпрѣсуа, неперуда, paralugъ и пр. при одноименномъ обычаѣ. Впрочемъ объ этомъ скажемъ подробнѣе въ особенной статьѣ. Что отецъ Спиридонъ подъ именемъ Перуна понимаетъ не только самаго бога дождевника, но и громовержца у Прокопія, видно изъ объясненіемъ слова самымъ о. Спиридономъ: молній или Перѣнъ ²⁾.

Въ рукописи Гокровице дѣтемъ ³⁾, писанной въ западной Болгаріи въ концѣ XVIII или въ началѣ XIX в. и хранящейся въ Софійской Народной Библіотекѣ подъ № 191, сказано: царь ѣрасмій. конто вѣше мѣчѣтель людемъ своимъ пораженъ (сокрѣшенъ) вѣсть ѡу лѣжницата си мѣчѣнемъ (перѣномъ), листъ 14а.

Василій Априловъ, самый добросовѣстный изъ болгарскихъ писателей съ эпохи духовнаго возрожденія болгаръ, утверж-

1) Спиридонъ Перѣсхимонахъ, Исторія во кратцѣ о болгарскомъ народѣ славянскомъ. Сочиненіе и списанъ къ лѣту 1792. Изд. В. Н. Златарски. София, 1900, стр. 14.

Замѣчательно подобное фольклористическое примѣчаніе въ самой Россіи о Перунѣ, находящееся въ одной рукописи XIV в. въ Петерб. Духовн. Акад.: но и нѣтъ по украиннамъ молитамъ имѡу проклатѡму когѣ Перѡунѣ (Krek, Einleitung, стр. 385).

2) Спиридонъ, стр. 91.

3) Рукопись эта состоитъ изъ семи разговоровъ учителя съ его ученикомъ. Что рукопись греческаго происхожденія, видно изъ употребленныхъ въ текстѣ греческихъ именъ. Рукопись открыта въ монастырѣ св. Кирика, въ окрестностяхъ селенія Смиловци, Царибродскаго уѣзда.

даетъ свидѣтельство о. Спиридона, заявляя, что «нынѣшніе болгаре въ своихъ народныхъ пѣсняхъ славятъ *Перуна, Коляду, Ладу и Леля*» ¹⁾. Априловъ свидѣтельствуеъ только о томъ, что дѣйствительно зналъ, не придерживаясь того направленія эпохи, безцеремонно насчитавшей цѣлый сонмъ фантастическихъ словъ, какъ именъ славянскихъ божествъ. И въ самомъ дѣлѣ, упомянутыя Априловымъ именъ живутъ и доселѣ въ болгарскомъ фольклорѣ — нѣкоторыя въ самыхъ личныхъ именахъ, другія же въ пѣсняхъ.

До сихъ поръ изданы были двѣ болгарскія пѣсни съ именемъ Перуна. Однако-жъ пѣсня, записанная Раковскимъ ²⁾, принята была нѣкоторыми учеными какъ мистификація въ виду черезчуръ патріотической окраски всѣхъ литературныхъ трудовъ автора «Горскаго Пѣтника». Вотъ эта пѣсня:

Пипируда злата
Прѣдъ Перуна лѣта,
Лѣта и пролѣта
По поле ся мѣта
И Богу ся моли:
Дай Боже дъждець!
Да израстѣтъ нивы
Нивы и ливады!
Бары, бары води!
Блата, блата віна!
Всякы класъ и тѣгаръ!
Всяко гребло тягло!
Отъ коряна кошница
По всякъ лозицѣ!

Мы справились у знакомыхъ намъ лицъ въ окрестностяхъ

---

1) В. Априловъ, Денница Ново-болгарскаго образованія. Одесса, 1841, стр. 92.

2) Г. С. Раковски, Горскій Пѣтникъ. Новый Садъ, 1857, стр. 168.

города Котла, гдѣ могъ Раковскій записать эту пѣсню, и дѣйствительно мы получили текстъ, записанный въ селѣ Жеравнѣ учителемъ Ранковымъ; однако въ немъ не видно имени Перуна, какъ и послѣднихъ стиховъ Раковского. Вотъ эта пѣсня:

Пипируѣж лѣта,
Лѣта и прулѣта (2)
И се Бѣгу моли:
«Даі, Бѣже, даі, даі
Сѣтен, дрѣбен дѣждецъ,
Да пунѣкни жѣту,
Жѣту чѣрнукласу (2),
И кѣчѣсту прусѣ».

При томъ, ознакомившись съ ново-греческимъ «пипирунами», мы замѣтили, что нѣкоторые стихи пѣсни Раковского вполне соответствуютъ подобнымъ ново-греческимъ. Это убѣждаетъ насъ, что Раковскій по этимъ именно образцамъ смастерилъ нѣкоторые изъ послѣднихъ стиховъ, позабытые авторомъ, вѣчно странствовавшимъ изъ Константинополя въ Аѣины, Парижъ, Бѣлградъ, Букарестъ и т. д. Одна изъ греческихъ пѣсней у Marcellus¹⁾ несомнѣнно послужила здѣсь основаніемъ Раковскому, болгарскій языкъ котораго въ данномъ случаѣ ничто иное, какъ буквальный переводъ греческаго. Примѣромъ можетъ послужить сличеніе нижеслѣдующихъ стиховъ:

Κύριε, βρέξε μιά βροχή, ...
Μπάραις, μπάραις τὰ νερά,
Λίμναις, λίμναις τὰ χρασιὰ.
Κάτε κούτσουρο χαλάθ',
Κάτε στάχη και ταγάρ'.

Дай Боже дѣждецъ! ...
Бары, бары води!
Блата, блата вина!
(Отъ коряна кошница)
Всякы класъ и тгаръ!

Другая болгарская народная пѣсня съ именемъ Перуна

1) M. de Marcellus, Chants du peuple en Grèce. T. II. Paris, 1851, стр. 214.

издана была въ «Цариградскомъ вѣстникѣ», 1859, № 439, съ заглавіемъ «Женитба Ива изъ Меглена». Въ этой пѣснѣ дѣйствительно попадаются обороты, присущіе болгарской народной поэзіи, однако изъ всего остального видно, что это произведение ничто иное, какъ поддѣланный текстъ. Прежде всего языкъ самой пѣсни искусственъ, и никоимъ образомъ нельзя принять его за какой-либо изъ болгарскихъ говоровъ. Вотъ стихи, содержащіе имя Перуна:

Гласъ невидимъ отъ воздуха выка:

Чуете ли Царе Шишманине!

Те поздравя Милка самодива,

Отъ Перуна Неда Самохотка.

Та пушайте мачкы отъ коробы

Нека стоятъ коробы во море.

Пѣсня эта какъ разъ пришлась по вкусу Раковского; онъ перепечаталъ нѣсколько куплетовъ изъ нея и съ жаромъ рекомендуетъ ихъ, дивясь ея старинности, что будто-бы это произведение относилось къ эпохѣ до созданія Зевсомъ греческаго Олимпа ¹⁾).

Имя Перуна вполне сохранено въ именахъ лицъ и топографическихъ названіяхъ у всѣхъ южныхъ славянъ. Какъ христіанство ни препятствовало сохраненію личныхъ именъ, находящихся въ связи съ языческою древностью²⁾, все-таки имя Перуна успѣло сохраниться доселѣ. Въ Трянскомъ уѣздѣ хорошо сохранено мужское имя *Перунъ*, какъ и женское *Перуна* съ его ласкательными: *Перунка*, *Перуника* ³⁾. Въ Радомирскомъ селѣ Витановци, въ окрестныхъ селахъ Ихтимана и въ Софійскихъ

1) Г. С. Раковски, Ключъ болгарскаго языка. Одесса 1880, стр. 93.

2) Въ старину имя Перунъ служило также собственнымъ именемъ. Въ одной рукописи съ XII в., упомянуто, что Перунъ, Хърсъ, Велесъ и Траянъ были именами лицъ (Krek, Einleitung, стр. 384), возведенныхъ въ божества: на сѣ обратила (Archiv f. sl. Ph. XI, стр. 305). Въ XIII—XIV в. Дубровничанка какая-то именовалась Перхуна (Rad, кн. 89, стр. 132).

3) Сборникъ министерства, XV, стр. 198.

селахъ (Подгумеръ, Славовци, Малешевци) попадаетъ женское имя *Перуна*. Въ Македоніи встрѣчается женское имя *Перуница*¹⁾. Въ Нейковѣ, селѣ Котленскаго уѣзда, и теперь еще въ ходу мужское имя *Парунъ*, а въ Градецѣ, Жеравнѣ, и въ самомъ городѣ Котлѣ извѣстно и женское имя *Паруна*. Оно извѣстно и въ Самоковскомъ селѣ Ковачевци (сравн. съ словацкимъ Рагомъ, Račun). Въ Чачанскомъ селѣ Слатина (Сербія) еще живетъ семейство *Перуничѣ* — имя извѣстное уже съ 200 лѣтъ тому назадъ²⁾. По достовѣрнымъ имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, имя Перуна теперь уже вышло изъ употребленія у сербо-хорватовъ³⁾, хотя не долго тому назадъ еще употреблялось личное имя *Перушко*⁴⁾. По свидѣтельству профессора-словинца Крека мужское имя *Перунъ* и теперь сохранено у словинцевъ⁵⁾.

Женское личное имя *Перуника*, *Перуница*, *Перуница* (*Пера*) встрѣчается и въ народныхъ пѣсняхъ сербовъ и болгаръ:

«Ој девојко, бела *Перунико!*»⁶⁾

или

«*Перуниче*, девојче!

Не стой, *Пѣро*, на брег-о!»⁷⁾

или

«*Перуниго*, гъизава девојко!

Тихом-пееш, дилѣко се слуше»⁸⁾.

1) Миладиновы, Сборникъ, 2-е изд., стр. 533.

2) Это свѣдѣніе мнѣ досталъ любезный славински уроженецъ Драгутинъ М. Перуничичъ. Очень можетъ быть, что это семейство то самое упомянутое Караджичемъ въ «Живот и обичаји» Беч, 1867, стр. 93.

3) Этими и другими свѣдѣнія мы обязаны любезности д-ра Алауповича изъ Сараева.

4) Gržetič Gašpičev, O vjeri starih slovjena. Mostar, 1900, стр. 192.

5) Krek, Einleitung, стр. 385.

6) Браниславъ Нушичъ, Косово, I, стр. 166.

7) Шапкаревъ, Сборникъ, кн. VI, № 1227. Срв. вариантъ у Миладиновыхъ, Сборникъ, № 271.

8) Шапкаревъ, тамъ же, № 973.

или

Перунѣка вѣздѣн вѣка:
«Перунѣко, мала мѣме,
Ела, мѣме, ѡбери ме,
Обери ме, зѣбоди ме» и пр.

(Рукопись).

Кажется, бесполезно будетъ доказывать, что имя Перуника (Перунъ) никакъ не образовалось отъ имени св. *Вероники*, какъ предполагалось. Въ одномъ апокрифѣ даже указывается, что когда-то имя это выговаривалось у славянъ и *Верникіа*¹⁾. Позднѣе католики хорваты выбросили слово Перуника, замѣнивъ его церковнымъ именемъ *Veronika*²⁾.

Имя Перуна, какъ было сказано, сохранилось доселѣ въ многихъ топографическихъ названіяхъ. У словенцевъ существуетъ *Перуна весъ* и *Перуны врхъ*³⁾. На восточной части Истрійскаго полуострова возвышается гора *Перунъ*, вышиною 881 м. Одна изъ горныхъ вершинъ между Сутѣской и Варешемъ (въ Боснѣ) именуется *Перуномъ*. Д-ръ Алауповичъ изъ Сараева оказалъ намъ свою любезность проверкой этого факта. У хорватовъ существуетъ *Перуна-Дубрава*⁴⁾, въ Далмаціи—гора *Перунъ* возлѣ самаго села Дубрава⁵⁾. На разстояніи пяти км. отъ Крагуевца (Сербія) находится село *Перуновцацъ*⁶⁾. Въ Княжевацкомъ округѣ существуетъ горная вершина *Перинатица*⁷⁾. Въ Куршумлійскомъ уѣздѣ есть село *Перуника*⁸⁾. Авторъ описанія

1) Порфирьевъ, Апокрифич. сказанія о новозав. лицахъ и событіяхъ. Спб., 1890, стр. 280.

2) Gržetić, O vjeri starih slovjena, стр. 193.

3) Krek, стр. 385.

4) Тамъ же, стр. 385. — Gržetić, стр. 193.

5) Rad, кн. 89, стр. 133: «U selu Dubravi, pod pomenutom planinom Perun, priča se da su se na neke mjestu selu ljudi nekad klanjali bogu Perunu...»

6) К. Јовановић, Речник свију вароши, варошица, села и засека у Србији. Београд, 1872, стр. 57 и 129.—Миличевић, Кнежевина Србија. Београд, 1876, стр. 758.

7) Миличевић, стр. 825.

8) Краљевина Србија. Београд, 1884, стр. 414.

Татарь-Пазарджикской каазы (Θρακία), Стефанъ Захаріевъ, мимоходомъ упоминаетъ объ одной *Перуновой* горѣ¹⁾ южнѣе г. Пещеры. Иречекъ упоминаетъ о той же самой горѣ съ именемъ *Перинъ*²⁾, да и провѣркой, сдѣланной нами, утверждается самымъ теперешнимъ именемъ этого же холма — *Перинъ*. Мѣстность, находящаяся вблизи Германа и Осича, въ Кумановской каазѣ, въ сѣверной Македоніи, извѣстна подъ именемъ *Перинъ*³⁾. Опять тѣмъ же самымъ именемъ называются высокія Македонскія горы *Перинъ*, какъ и носящее ихъ имя село, находящееся у подошвы этихъ горъ. Миклошичъ⁴⁾ производитъ это названіе отъ имени Перуна. Выводъ этотъ утверждается существованіемъ подобныхъ же соотношеній у другихъ болѣе удаленныхъ славянъ. Такъ напримѣръ, теперешній скитъ *Перинъ*, находящійся на лѣвомъ берегу р. Волхова, воздвигнутъ на самомъ мѣстѣ, гдѣ когда-то возвышалось идолище *Перуна*⁵⁾. Точно такимъ-же является еще *Перинградъ*⁶⁾ вблизи Столаца (Герцеговина). Въ Албанію, къ ю.-в. отъ Берата, есть село *Периняси*⁷⁾. Шеппингъ упоминаетъ объ одномъ географическомъ имени въ Валахіи — *Перкуниста*⁸⁾. Въ старину Белоцкая община (Румынія) называлась *Перени*⁹⁾. Названіе болгарскаго городка *Перушица*, встрѣчающееся еще въ XIII в.¹⁰⁾, напоминаетъ о Новгородскомъ Перушицѣ, — когда, по лѣтописи, самый идолъ былъ выброшенъ въ Волховѣ (ты, рече, Перѣшнице, досити еси пилъ и шлъ, а нынѣ пловн оуже проче).

1) Стефанъ Захаріевъ, Описаніе на Татарь-Пазарджишка-тъ каазж. Віена, 1870, стр. 64.

2) Иречекъ, Княжество България. II. Пловдивъ, 1899, стр. 445.

3) Срв. Д-ръ J. X. Васиљевић, Драгаш и Константин Дејановићи. Београд, 1902, стр. 45.

4) Miklosich, Lexicon p. sl. gr. l. подъ именемъ *Перунъ*.

5) Барсовъ, Очерки русской исторической географіи. 2-е изд. Варшава 1885, стр. 203.

6) Gržetić, стр. 193.

7) H. Weigand, Die Aromunen, I. Leipzig, 1895, стр. 92.

8) Шеппингъ, Мѣстныя славянскаго язычества, стр. 117.

9) Lahovari, Marele Dicț. Geografic, v. IV, Bucarești, 1901, sub voce.

10) Cantacuseus, II, 406: Περυσίτζα.

Наконецъ имя Перунъ встрѣчается и какъ названіе цвѣтковаго растенія *Iris Germanica* — *Перуника* во всѣхъ южно-славянскихъ странахъ ¹⁾. Что славяне любили посвящать богу громнику нѣкоторыхъ изъ цвѣтковыхъ и другихъ растеній ²⁾, объ этомъ свидѣлствуютъ слѣдующія названія у русскихъ: *ромъ* (*Onosma tinctoria*) въ Екатеринославской губерніи, *ромовой* корень (*Asporagus officinalis*), *ромдола* (*Valeriana officinalis*), *ромникъ* (*Geranium sanguineum*) въ Киевской губерніи, *ромовикъ* (*Echion vulgare*) въ Екатеринославской губерніи и пр. ³⁾. Вполнѣ подходящий примѣръ находимъ у латышей, у которыхъ полевая горчица именуется прямо Перуновымъ цвѣткомъ, *Perhkonēs*. Русскіе тоже называютъ съ именемъ Перуна нѣкоторыя изъ цвѣтковыхъ растеній ⁴⁾.

Посвященіе ириса въ честь Перуна южными славянами находится въ близкой связи съ Дубровницкимъ названіемъ того же самого растенія — *боиша* т. е. божій цвѣтокъ. Замѣчательно повѣрье въ окрестностяхъ Кюстендила и въ г. Пещеры, что не процвѣтаніе этого растенія (перуники) считается предвѣстникомъ смерти въ той семьѣ, въ саду которой находится это растеніе. Удивительно совпаденіе между южно-славянскимъ повѣрьемъ о растеніи перуника и назначеніи еллинской богини Ирисъ (еще

1) Въ болгарской литературѣ существуетъ даже книжка съ фольклористичнымъ матеріаломъ, написанная Ил. Р. Блѣсковымъ подъ именемъ «Перуника». Варна, 1884.

2) У французовъ *цвѣтокъ Юпитера* (*joubarbe, sainte-barbe*) съ гадательнымъ значеніемъ. Если онъ процвѣтеть, любимый вернется, если нѣтъ — онъ погибнетъ. Этимъ народнымъ преданіемъ воспользовался поэтъ въ своихъ стихахъ:

En dépit de l'orage
La joubarbe a fleuri;
Au retour du voyage
Il sera mon mari, etc.

(Revue des trad. populaires, T. XVIII, стр. 286).

3) Срв. Ботан. словарь Анненкова.

4) В. Мочульскій. О мнимомъ дуализмѣ въ миеологіи славянъ. Варшава, 1889, стр. 51.

Ирисъ=небесная радуга=растеніе перуника) исполнять приговоръ божествъ рѣзать фатальный волосъ женщинамъ, приговоренныхъ ими на смерть¹⁾. Близость этого соотношенія заставила насъ невольно подумать, что при ранѣ существовавшемъ у нихъ культъ громовика и дожденосца, южные славяне вѣроятно восприняли изъ греко-римскихъ мифическихъ представленій ту связь, которая открывается намъ между названіемъ Перунъ — перуника и именемъ радуги Ирисъ, богини Ирисъ и цвѣтка ирисъ.

Имя *папарѹна*, которымъ именуется макъ въ Горной-Орѣховицѣ (Трновскій округъ), не должно никакимъ образомъ связывать съ именемъ Перуна: это имя есть славянизированное латинское имя растенія *paraver somniferum*.

Распространеніе имени Перуна у русскихъ многими учеными утверждается на единственномъ историческомъ текстѣ въ Несторовой лѣтописи, при переписываніи которой имя это перешло въ книги, а потомъ уже и въ преданія. Подобное объясненіе никоимъ образомъ нельзя примѣнить къ южно-славянскимъ землямъ и нарѣчіямъ, гдѣ о какомъ-то вліяніи литовцевъ или же Несторовой лѣтописи едва ли можно и говорить; большинство же личныхъ, географическихъ и др. подобныхъ названій, начиная съ Истріи до Бѣлаго и Чернаго морей нельзя объяснить другимъ путемъ, какъ тѣмъ, что они являются свидѣтельствами, уцѣлѣвшими доселѣ со временъ языческаго культа Перуна у южныхъ славянъ. Число подобныхъ свидѣтельствъ значительно увеличилось бы, если бы христіанство путемъ разныхъ соборовъ, гоненій, проповѣдей и писаній не уничтожало постепенно

---

1) По А. Губернатису (*La Mythologie des plantes* II. Paris, 1882, стр. 174) одинъ изъ видовъ этого растенія, *Iris odoratissima*, въ Греціи садили по кладбищамъ, по всей вѣроятности, вслѣдствіе его имени на память богини Ирисъ, посылаемой сопровождать усопшихъ женщинъ въ ихъ вѣчныя жилища. — Этотъ самый обычай существуетъ и теперь у болгаръ; такъ, въ окрестностяхъ Трнова по кладбищамъ на могилахъ скорѣ послѣ похоронъ умершихъ тоже садится это растеніе. (По сообщенію Ив. Ив. Момчилова, которому мы обязаны и за другія еще свѣдѣнія).

языческія традиціи, или же не перемѣшало и переименовало ихъ. Перемѣшало и переименовало — потому, что едва ли найдется древне-языческое славянское повѣрье, живущее еще, не носящее на себѣ отпечатокъ христіанской традиціи, каковъ на-примѣръ случай съ боготвореніемъ, замѣстника Перуна, св. Ильи.

IV.

Св. Ілія и Огненная Марія.

Культь св. Ильи у южныхъ славянъ по большей части заимствованъ изъ христіанскихъ легендъ. Хотя онъ обнимаетъ до сихъ поръ еще такія страны, какъ Малой Азіи, такъ и Западной Европы, куда вліяніе славянскихъ миѳическихъ представленій никогда не доходило, однако на Балканскомъ полуостровѣ все-таки выдаются черты славянскаго преданія въ позднѣйшихъ наслоеніяхъ изъ христіанской эпохи. Какъ ново-греческій образъ св. Ильи содержитъ въ себѣ древне-миѳическіе отломки, скрѣпленные между собою въ одно цѣлое цементомъ христіанства, точно такимъ-же образомъ послѣднее передало свою новѣйшую форму дряхлому образу славянской традиціи. Южный славянинъ, при ежедневномъ исполненіи своихъ религіозныхъ отправленій въ родномъ очагѣ или въ полѣ, является въ *дѣйствительности* болѣе язычникомъ, чѣмъ христіаниномъ.

Что дѣйствительно славянской культъ Перуна не забытъ еще и что онъ могъ отразиться на св. Ильѣ въ христіанскую эпоху, къ этому приводитъ насъ психическій религіозный моментъ, наступившій у грековъ, нѣмцевъ и у нѣкоторыхъ азіатскихъ народовъ, у которыхъ громовержцемъ является уже не Зевсъ, Торъ или др. какое либо божество, а самъ Ілья. На высотахъ Еггинскихъ горъ въ Елладѣ царилъ культъ Зевса дожденосца. Теперь же это самое мѣсто называется св. Іліемъ (*Ἰλιος* *Ἠλιάς*)¹⁾. Греческій ученый Политисъ въ цѣнномъ своемъ трудѣ:

1) Preller, Griechische Mythologie, I⁴. Berlin, 1887, стр. 126.

«Солнце въ народныхъ повѣрьяхъ» (Ο Ἥλιος κατὰ τοὺς δημώδεις μύθους, ἐν Ἀθήναις, 1882) приходитъ къ заключенію, что культъ св. Ильи замѣнилъ у новыхъ грековъ культъ Зевса и Гелиоса (солица) ¹⁾. Въ средніе вѣка громовникъ въ старо-нѣмецкихъ повѣрьяхъ замѣняется св. Ильею, который какъ и Торъ борется съ врагомъ своимъ змѣемъ (тутъ антихристъ) ²⁾. Очень интересенъ фактъ, что на Кавказѣ у Абхазцевъ Шибле—богъ грома, которому молятся отъ бездождія, и что черкесы отождествляютъ того-же самого Шибле съ Яліемъ (Илія) ³⁾.

Семитскія и христіанскія легенды о Ильѣ, съ атрибутами дожденосца и защитника урожая, совсѣмъ перемѣшаны съ славянскими представленіями о Перунѣ, тѣмъ болѣе, что церковь, при имѣющихъ на рукахъ нѣсколькихъ типическихъ текстахъ изъ св. Писанія Стараго и Новаго Завѣта, вліяла на вѣрующихъ даже и въ училищахъ. Вотъ главнѣйшія мѣста, способствовавшія обширному распространенію культа св. Ильи. «И Илья Ѳесвіецъ, который былъ изъ Галаадскихъ странъ, сказалъ Ахаву: живъ Господь Богъ Израилевъ, передъ которымъ я предстаю, на этихъ годахъ не будетъ росы, дожда безъ моего слова» ⁴⁾. Послѣ этого настали засухи съ голодомъ въ землѣ Ахава, согрѣшившаго передъ Богомъ. Спустя три года Илья является передъ Ахавомъ и наказываетъ пророковъ Ваала. Молитвой Ильи «ниспосланъ былъ Богомъ огонь, поглотившій все-сожженіемъ деревьевъ, камней, почву, осушилъ воду, находившуюся въ бороздѣ». . . ⁵⁾. «А между тѣмъ небо помрачилось отъ тучъ и вѣтровъ, и ниспосланъ былъ обильный дождь». . . ⁶⁾. «И когда Богъ хотѣлъ возвести Илью на небеса вихремъ, Илья вмѣстѣ съ Елисеѣмъ отправился изъ Галгалъ». . . ⁷⁾. «И, шедши,

1) См. А. Н. Веселовскій, Разысканія и пр., VIII, стр. 294—353.

2) Grimm, Deutsche Mythologie, I⁴, стр. 144—145.—Веселовскій, тамъ же, стр. 340—341.

3) Веселовскій, тамъ же, стр. 313.

4) III кн. Цар., 17, 1.

5) III кн. Цар. 18, 38.

6) Тамъ же, 18 45.

7) IV кн. Цар., 2, 1.

они говорили, и вотъ огненная колесница и огненные кони. . . . и взыде Илія съ вихремъ на небо»¹⁾. Въ Новомъ Завѣтѣ повторяются воспоминанія о Ильѣ, во времена котораго заключился нѣко три лѣта и мѣсяцъ шесть, ѣхавъ въ горахъ великихъ по всѣмъ землямъ²⁾. «Илія былъ человѣкъ подобострастный намъ; и усердіемъ помолился онъ, чтобы не было дождя, и не было дождя на землѣ три года и шесть мѣсяцевъ; опять же помолившись, дождь былъ ниспосланъ небомъ, а земля произвела свои плоды»³⁾. На праздникъ св. Ильи (Ильинъ день) при богослуженіи исполняется нижеслѣдующій кондакъ, укрѣплявшій въ массѣ повѣрье, что Илья дожденосецъ: Пророче и провидче великихъ дѣлъ Бѣга нашего, Илье великоименіче, вѣщаніемъ твоимъ оставивши водоточныя облаки, моли ѡ насъ единого Человѣколюбца.

Такимъ же точно является Илья и въ народныхъ пѣсняхъ:

И дойде свѣти Иліа,
 Си скова кола огнена,
 Си прегна коньи четири,
 Четири коньи крилати,
 Та си отиде на небо⁴⁾

или

А що бѣше старъ свѣти Иліа!
 Помоли се на нашъ Христосъ,
 Та му даде ключове отъ небеса,
 Си заключи мѣгли и облаци.
 Три години дождъ не завѣрна,
 Три години сѣнце не угреа,
 Три години ветеръ не подухналъ,
 Не сѣ роди ни вино ни жито⁵⁾.

1) Тамъ же, 2, 11.

2) Лука, 4, 25.

3) Посланіе Якова, 5, 17—18.

4) Миладиновы, Сборникъ, № 25.

5) Тамъ же, № 34.

Можно подумать, что эти стихи ничто иное, какъ пересказъ выше цитированныхъ текстовъ—до такой степени народные повѣрья сходятся съ семитскими и христіанскими! Даже и глаголъ *заклочать* (замыкать) отъ *заклучиса* ꙗко три лѣта и пр. встрѣчается чаще въ этихъ молитвахъ вмѣсто обыкновеннаго въ данномъ случаѣ глагола *затварямъ* (запирать, затворять).

Замѣчательно однако обстоятельство, что христіанскій и библейскій св. Илья только *дожденосецъ*, тогда какъ въ народныхъ повѣрьяхъ св. Илья является и съ другими представленіями, какъ *громовникъ*. Такъ, при дѣлежѣ небесныхъ и земныхъ стихій св. Ильѣ было дано:

Свет' Илија грома небеснога¹⁾

или:

А Илија муње и громове²⁾

или:

Илиј' даше мунье и громове³⁾

или:

Свет Илија — сиѣни секавици⁴⁾

или:

Дел се падна на свети Илія,
Дел се падна грѣмѣве, трескове⁵⁾.

или:

Що ся падна на свѣти Иліа?
Паднаха му летни-те облаци
И летни-те грѣмѣтѣвици
.....

1) Вук, Песме II, стр. 5.

2) Тамъ же II, стр. 3.

3) Вук, Српске народне пјесме изъ Херцеговине. Беч, 1866, стр. 805.

4) Ястребовъ, Обычаи и пѣсни турецкихъ Сербовъ, 2-е изд., стр. 95.

5) Игнѣвъ, Сборникъ, № 266.

Ка си узе самъ свѣти Илія
Мѣгли, облаци, грѣмотевници,
Ги затвори во Черно-то море¹⁾.

или:

Падна му се лѣтни грѣмотѣви,
Падна му се летни трескавици,
Да си лети по тѣвни облаци²⁾.

Въ Царибродскомъ уѣздѣ и въ окрестностяхъ Пирота провинившихся иногда проклинаятъ: «Ега те св. Иліа сѣс грамлявицу смаже!»³⁾. Въ Зайчарѣ празднуютъ и чествуютъ св. Ілью «какъ бога громовержца». Еслибъ св. Ілья зналъ день своего праздника, опожарилъ бы весь міръ. Сезонъ, наканунѣ его именинъ, изобилуетъ громомъ по небу. Вѣроятно вслѣдствіе этого-то приносятъ ему въ жертву лучшаго изъ пѣтуховъ⁴⁾. Въ Ахы-Челеби (Оракія) существуетъ повѣрье, что громъ является отъ усиленной бѣготни коней и колесницы св. Ільи по небу, а молнія вылетаетъ изъ-подъ подковъ коней⁵⁾. Въ окрестностяхъ гор. Трояна (Болгарія) существуетъ повѣрье, что св. Ілья въ гнѣвъ своемъ катаетъ по небу бочки, полныя камнями, вслѣдствіе чего въ воздухѣ гремитъ⁶⁾. Въ Битольскихъ окрестностяхъ вѣрятъ, что громъ происходитъ отъ усиленнаго движенія колесницы св. Ільи въ облакахъ. Молніи же образуются изъ огненной его колесницы, поддерживаемой змѣями⁷⁾, и т. д. Подобное повѣрье у южно-русскихъ болгаръ, Таврической губерніи. «Когда гремитъ громъ, то это означаетъ, что св. Ілья разѣзжаетъ на колесницѣ по небу и преслѣдуетъ діавола, чтобы убить его»⁸⁾. У

---

1) Миладиновы, Сборникъ, № 53.

2) Сборникъ Министерства, II, стр. 27.

3) Тамъ же, XIII, стр. 332.

4) Дацовъ, Зайчаръ и неговото население. София, 1884, стр. 14.

5) Сборникъ Министерства, XIV, стр. 99.

6) Тамъ же, VI, 93.

7) Тамъ же, XII, 127.

8) Этнографическое Обозрѣніе, XXXIX, стр. 113.

сербовъ тоже распространено это повѣрье, что громъ образуется отъ движенія колесницы св. Ильи¹⁾. Слѣдовательно, какъ видно изъ этихъ народныхъ повѣрій, главнѣйшіе атрибуты св. Ильи это—громъ и молнія. Однако, какъ мы замѣтили, подобные атрибуты не приписываются этому святому въ библейскихъ легендахъ, гдѣ онъ является носителемъ дождя. Этому обстоятельству въ большой мѣрѣ способствовали, съ одной стороны, общеевропейскія и, слѣдовательно, славянскія представленія о громовержцѣ-дожденосцѣ, а съ другой — апокрифная литература. Въ апокрифахъ, въ самомъ дѣлѣ, не св. Илья, а другіе уже святые являются громовержцами. Въ апокрифической рукописи XVI в. громъ является оружіемъ ангела преслѣдующаго сатану, молнія-же—одежды архангела Наѳанаила²⁾. Въ другомъ апокрифѣ сказано: архистратигъ Михаилъ помолися къ ѿгнѣ, и высть громъ и млънія³⁾. Въ другомъ, противникомъ антихриста являются Илья, Енохъ а Іоаннъ, названный «сыномъ грома» (τὸν υἱὸν τῆς βροντῆς Ἰωάννην)⁴⁾. Въ первоначальной эпохѣ христіанства вмѣстѣ съ апокрифомъ «Малымъ бытіемъ» распространилось повѣрье, что Господь создалъ нѣсколько ангеловъ для разныхъ стихій. Эти повѣрья позже были распространены и у южныхъ славянъ посредствомъ сочиненій Епифанія Кипрскаго и Козьмы Индикоплова. Такъ, тамъ сказано, что созданы были 'аггали ѿбланоу, . . . аггали гласомъ и маніамъ (ἄγγελοι νεφελῶν . . . ἄγγελοι φωνῶν, βροντῶν)⁵⁾. Даже въ одномъ сборникѣ XVI в. подъ названіемъ «Слово св. Григорія Богослова и Василия Кесарійскаго, I. Златоуста, вопросъ и отвѣтъ», вмѣстѣ съ ангелами грома именуется Перунъ: Два ангела громнаи еста, и елеоньскыи старецъ Пероунъ естъ, а Хоръ естъ жидовинъ⁶⁾. Подобныя по-

1) Вук, Живот и обичаји народа српскога. Беч, 1867, стр. 66.

2) Срв. А. Н. Веселовскій, Разысканія, VIII, стр. 325.

3) Тамъ же, стр. 325.

4) Тамъ же, стр. 336.

5) Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтн. лицахъ и событіяхъ. Спб., 1877, стр. 3, 22, 23.

6) Историческія чтенія о языкѣ и словесности. Спб., 1855, стр. 185.

вѣрѣя, что небесныя стихіи раздѣлены между ангелами, или что ангелами производится дождь, живутъ еще и теперь у южныхъ славянъ:

Благо делятъ четири ангели,
Благо делятъ више на небеси и пр.¹⁾.

Нѣсколько дней наканунѣ именинъ св. Ильи, а также и нѣсколько дней послѣ этого дня юго-славянами празднуются отъ грома; такими считаются: *юрѣшляци*, 3 дня — 15, 16, 17 іюля; *Омнена Марія* — 17 іюля; *Ильинъ день* — 20 іюля; *Св. Пантелей* — 27 іюля.

Въ народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ сестра Ильи, *Омненая Марія*, очень часто представляется съ атрибутами своего брата. При дѣлежѣ неба взяли:

Свѣтъ Илија грома небескога,
А Марија музу и стрижелу²⁾.

Когда на землѣ настала смута, и люди были грѣшныя, св. Марія выпрашиваетъ у своего брата бумагу съ неба о приостановленіи дождя, чтобы вымерло все живущее³⁾.

Приписать атрибуты грома св. Ильѣ очень много способствовали его культъ въ библии какъ дожденосца, отрывочныя роли другихъ святыхъ громовниковъ, какъ Михаила, Іоанна, Георгія⁴⁾, и наконецъ то обширное участіе, которое Илья принимаетъ въ борьбѣ противъ антихриста въ сказаніяхъ о кончинѣ міра, сказаніяхъ, находящихся въ близкой связи съ индо-европейскимъ повѣрьемъ о борьбѣ между змѣемъ и громомъ.

---

1) Миладиновъ, Сборникъ, № 30. — Срв. Сборникъ Министерства, II, стр. 164.

2) Срв. П. А. Ровинскій, Черногорія, II т. Спб. 1901, стр. 452. — Любеновъ, Баба Ега. Търново 1887, стр. 19. — Шапкаревъ, Сборникъ, VII, стр. 172, 173, 174.

3) Вук, Песме II, стр. 5.

4) Любеновъ, Сборникъ III, стр. 29—30. — Срв. Дацовъ, Зайчаръ и пр., стр. 14.

5) А. Н. Веселовскій, Разысканія, VIII, стр. 328.

Съ языческой эпохи славянства ведетъ свое начало у южныхъ славянъ повѣрье, что громовыя стрѣлы—бѣлыя каменные угловатыя плиточки, находимыя иногда въ почвѣ, гдѣ ударено было громомъ. Словаки называютъ ихъ *Ragomova strela*, русскіе—Перунъ-камень и громовая стрѣла¹⁾. Обычай жертвоприношенія св. Ильѣ опять приводитъ къ свидѣтельствамъ Прокопія о жертвоприношеніяхъ, дѣланныхъ въ честь громовника у южныхъ славянъ.

Посвященіе дуба Зевсу Додонскому, Тору германскому, Перкуну у Литовцевъ²⁾, Перуну у русскихъ³⁾, находится въ тѣсной связи съ южно-славянскимъ почтеніемъ и обычнымъ воздвиженіемъ культа Ильи по возвышеннымъ дубравамъ на холмахъ. Въ житіи преподобнаго Θεодосія въ XIV в. упомянуто, что вблизи самого Трнова люди поклонялись дѣвѣ нѣкоємѣ⁴⁾. Вѣроятно, подобными дубами-жертвенниками были и тѣ же деревья во Фракіи, о которыхъ упомянуто графомъ Марсильи, дубы, которые доселѣ еще видѣются по сторонамъ Филиппопольско-Одринской дороги⁵⁾. На Балканскомъ полуостровѣ во многихъ мѣстахъ большинство уединенныхъ холмовъ называется именемъ Ильи (нѣкоторые—Перунъ, Перинъ). У русскихъ идолище Перуна находилось на возвышенномъ холмѣ. Греческій ученый Политисъ связываетъ культъ Геліоса и Зевса громовержца по высотамъ съ культомъ ихъ намѣстника, св. Ильи съ христіанской эпохи⁶⁾. Академикъ Веселовскій находитъ, что связь эта не существуетъ, однако старинный культъ Перуна у

1) Забѣлинъ, *Исторія русской жизни*, II. Москва, 1879, стр. 511.

2) H. Usener, *Götternamen*, Bonn, 1896, стр. 97.

3) Máchal, *Nákres slovanského bájesloví*. Praha, 1891, стр. 22—23. Срв. также свидѣтельство Guagnini, *Sarmatiae Europaeae descriptio*, 1578, цит. у Leger, *Mythol. slave*. Paris, 1901, стр. 57—58.

4) Чтенія въ Имп. общ. ист. и древн. рос., Москва, 1860, I, стр. 1а.

5) «Fui curioso di vedere la loro chiesa, che non è che una piazza di terreno ben pulito, che da una parte ha una grand'arbure dove sono fitti chiodi di legno per appendere le vittime che sacrificano, dove attualmente erano pesci de bovi et di castrati» (Marsigli, *Stato militare del imperio Ottomano*, 1732, стр. 24).

6) Πολίτης, 'Ο Ηλίας κατά τούς δημόεις μύθους, 'Εν Ἀθήναις 1882. Срв. А. Н. Веселовскій, *Разысканія VII*, стр. 294 и слѣд.

южныхъ славянъ, какъ и теперешній культъ св. Ильи на южно-славянскихъ холмахъ и въ дубравахъ, по крайней мѣрѣ подтверждается и стоитъ въ извѣстной связи со вторымъ пунктомъ изъ взглядовъ Политиса. Такъ, вблизи Пещеры, какъ мы упомянули, возвышается холмъ Перинъ. Вблизи села Варвары, въ окрестностяхъ Татаръ-Пазарджика, на холмикѣ, поросшемъ дубами, теперь возвышается маленькая церковь, посвященная имени Ильинной сестры — Огненной Маріи¹⁾. Въ Родопахъ, одинъ изъ холмовъ, тоже поросшій дубами, гдѣ находится маленькая церковь, и теперь еще называется Ильинымъ верхомъ²⁾. Поселяне с. Ярлова, въ окрестностяхъ Филиппополя, убиваютъ свою жертву въ честь Ильина дня на одномъ изъ холмовъ, поросшемъ дубами³⁾. У Созополя, на Черномъ морѣ, параклись св. Ильи возвышается на конусовидномъ холмѣ, а ближе къ нему находится церковь св. Марины, которой поселяне молятся во время праздниковъ «Горѣшляци», чтобы не обгарали ихъ посѣвы⁴⁾. Въ одномъ сербскомъ памятникѣ встрѣчаемъ . . . .громачу бѣше меѣа Илиино врьдо⁵⁾.

V.

Громъ и змѣй. — Книга Громиникъ.

Независимо отъ имени св. Ильи, въ южно-славянскихъ повѣрьяхъ обширно распространено зооморфическое представленіе о громѣ какъ борьбѣ между змѣемъ и халой⁶⁾, или же между громомъ и халой.

1) Захаріевъ, Описаніе и пр., стр. 56—57.

2) Сборникъ Министерства, VIII, стр. 61.

3) Slovanský Sborník, V, стр. 77 и слѣд.

4) Срв. Шапкаревъ, Сборникъ VII, стр. 172.

5) Miklosich, Monumenta Serbica, стр. 93.

6) Халъ, какъ и употребляемое въ восточной Болгаріи въ этомъ значеніи *ламъ*, греческаго происхожденія. По ново-гречески *χαλάδι*—градъ, *λαμία* (отъ кор. *λάμος*, пропасть, глубина) — мифологическое чудовище. По болгарски *халъ* означаетъ буранъ—пѣтеръ съ дождемъ и градомъ. Въ переносномъ же смыслѣ

Въ окрестностяхъ Кюстендила существуетъ слѣдующее повѣрье. Змѣй — охранитель урожая, а хала — его похититель. Змѣй, гонясь за халой, наноситъ ей удары; она же съ своей стороны укрывается между деревьями или гдѣ нибудь. Змѣй влюбляется въ женщинъ и вступаетъ въ брачныя связи; дѣти же ихъ рождаются змѣенышами: малютка-змѣенышъ съ маленькими крылышками подъ плечами. Женщины, замѣтивъ эту примѣту у новорожденного малютки, собираются вмѣстѣ, чтобы непремѣнно въ одну только ночь выткать полотна, скроить и сшить рубашку для этого малютки. Въ противномъ же случаѣ малютка не вырастаетъ змѣемъ и, слѣдовательно, село лишается, теряетъ покровителя, защитника посѣвовъ отъ похищенія халы. Человѣкъ-змѣй является обыкновенно человѣкомъ какъ и всѣ люди, но всегда засыпаетъ при наступленіи бури: душа его отправляется сражаться съ халой. Въ такомъ случаѣ не позволяется будить его или же трогать для того, чтобы душа его по возвращеніи своемъ нашла его тѣло въ прежнемъ его положеніи, чтобы опять войти въ него; въ противномъ случаѣ змѣй умираетъ¹⁾.

Въ окрестностяхъ Битоли существуетъ повѣрье, что змѣи рождаются какими-то чудовищами съ хвостомъ и, когда окрылятся, удаляются отъ земли. Съ небесныхъ высотъ громъ застрѣливаетъ *колдунью*²⁾. Въ Черногоріи вѣрятъ, что громъ гонится за колдунью или сатаной, нанести имъ удары³⁾. Кромѣ того, у болгаръ существуетъ повѣрье, что *смокъ* любитъ сосать у коровъ или даже у женщинъ молоко. Точно такимъ-же является и русское преданіе, что змѣи любятъ пить и сосать молоко⁴⁾. Интересно въ данномъ случаѣ повѣрье у русскихъ, что на *Перин-*

халой называютъ безразсуднаго. Сложное слово *аламуна* (хала — молнія) встречается и въ заклинаніяхъ: «Да те удари аламун'ата!», «Скъцала го е аламунътата и него» (Любеновъ, Сборникъ, III, стр. 16).

1) Срв. еще Сборникъ Министерства, VII, стр. 375.

2) Тамъ же, XII, стр. 127.

3) Ровинскій, Черногорія, II, стр. 452.

4) Аванасевъ, Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, II, стр. 558.

скомъ скитѣ въ Новгородѣ жилъ змѣй *Перунъ*, который проводилъ ночи у Волховской пастушки¹⁾ (очевидно зооморфизмъ водныхъ стихій Ильмена съ Волховомъ). Здѣсь опять является соотношение атмосфернаго божества (дожденосца или громовника), змѣя и Перуна (Перюна), съ котораго мы начали. Повѣрья эти не библейскія, а являются первобытными славянскими, отчасти же и общечеловѣческими²⁾. Громовникъ Индра въ Ригъ-Ведѣ поражаетъ молніею змѣя Ахи; громовержець Торъ сражается съ змѣей Мидгардъ, нанося удары своимъ «молномеромъ» (молнія)³⁾. О повѣрїи, что громъ преслѣдуетъ дракона, упоминается Іоанномъ Дамаскинымъ въ VIII в.: ὑπὸ βροντῆς διώχεται ὁ δράκων⁴⁾.

Въ близкой связи съ нынѣшнимъ культомъ громовержца у южныхъ славянъ можно поставить и *астрологическія* повѣрья о громѣ. Что знахарство не было чуждо древнимъ южнымъ славянамъ, о томъ свидѣтельствуеъ Прокопій⁵⁾. Однако уцѣлѣвшіе памятники изъ старо-болгарской и сербской астрологической литературы свидѣлствуютъ несомнѣнно о своемъ византійскомъ происхожденіи. Академикъ В. Ягичъ⁶⁾ и изслѣдователь апокрифовъ В. Н. Перетцъ⁷⁾ заключаютъ, что славянскіе «громники» перешли къ славянамъ отъ византійцевъ. Это положеніе становится очевиднымъ даже только изъ сличенія текстовъ⁸⁾. Интересна въ случаѣ слѣдующая замѣтка: Γρόμωνινικὸν οὐγγατανίᾳ ἰμῶσι. ὧ ζεφῆζοχῆτιν ἰζεφῆдени ὦ ρακλῖᾳ ἱῖρα⁹⁾, т. е. что книга извлеченіе изъ астрологіи византійскаго царя Ирак-

1) Тамъ же, стр. 559.

2) Срв. Веселовскій, Разысканія, VIII, стр. 321.

3) Andersen, Mythologie scandinave. Paris, 1886, стр. 173 и слѣд.

4) Πολίτης, Δημώδεις μεταφρ. μύθοι, 'Εν 'Αθήναις, 1880, стр. 5.

5) De bello Gothico, III, 14.

6) Starine, X, стр. 119—123.

7) Извѣстія Имп. Ак. Н. по О. Р. Я. и С., т. VI, кн. 4, стр. 127—8.

8) Срв. Starine, X, 123.

9) Тихонравовъ, Памятники отреч. русской литер., II, стр. 361.

лія¹⁾. Часто употребляемые слова въ «громовникахъ» какъ 'егіпетъ, аравитянинъ²⁾ и т. п. свидѣтельствуютъ о болѣе старинномъ восточномъ происхожденіи даже византійской знахарской литературы. Такъ въ одномъ апокрифическомъ сказаніи указано, что греки научились астрологіи у основателя ея Немврода, который созда Бавѳлонъ градъ, и напръѣе показа ловы дѣяти. и вѣшкениа. и прьсомъ вѣ. старѣи. научиетъ ѿ звѣздозаконію. и звѣздословію. и нѣнымъ движеніемъ Вражающимъсѧ. иже и что имъ хощетъ быти³⁾.

Южно-славянскія гадательныя преданія, будучи языческими, не вошли въ христіанскую славянскую литературу. Они или остались въ забвеніи, или же смѣшались съ преданіями апокрифной литературы такъ, что теперь едва ли можно различить одни отъ другихъ. Извѣстно только то, что апокрифныя преданія взяли верхъ: они теперь составляютъ значительную часть простонародныхъ повѣрій. Такъ, общераспространенныя повѣрья у южныхъ славянъ о небесныхъ знаменіяхъ и связь ихъ съ земной жпзнію точно также находимъ въ старинныхъ «громовникахъ»⁴⁾. Въ одномъ «громовникѣ» о Апрѣлѣ мѣсяцѣ написано: *Апрѣ чѣ юн'че. Яще въ число юн'че погрѣмѣти. п'шеница по мѣсто гивель. радѣ же въ црѣвѣцѣи Ѡ двора. и вѣтъ. ѿ на вѣстоце метежъ ѿ сѣ дѣдъ*⁵⁾. Подобныя же повѣрья и теперь существуютъ у болгаръ: «Если громъ грянетъ въ январѣ, это не хорошо — урожай будетъ ничтожный; если же первый громъ будетъ въ мартѣ — урожай будетъ обильный»⁶⁾. Всеобщее южно-славянское повѣрье, что если грянетъ на самый день св. Ильи — орѣхи и орѣшки будутъ полными.

1) Срв. мнѣніе В. Н. Перетца въ Извѣстіяхъ, т. VI, кн. 3, стр. 40—41.

2) Тихонравовъ, стр. 363, 370.

3) Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія. Спб., 1877, стр. 249.

4) Вліяніе «громовниковъ» сохраняется и теперь. Е. Карановъ говорить, что видѣлъ книжечку съ именемъ «Гръмовниче» въ бібліотекѣ священника Нишки (Сборникъ Министерства, IV, 305).

5) Тихонравовъ, II, стр. 363.

6) С. Вацовъ, Народна метеорологія. София, 1900, стр. 5.

Однако нужно замѣтить, что астрологическія простонародныя предсказанія у югославянъ относятся почти исключительно къ урожаю, засухѣ, морозу, градобитію или дождю. Здѣсь есть что-то славянское. Въ греческихъ предсказаніяхъ замѣтны элементы, касающіеся человѣка и его жизни.

Заключеніе.

1. Разныя отрицанія и сомнѣнія о культѣ Перуна и его имени у южныхъ славянъ произошли вслѣдствіе неизвѣстности существующихъ доселѣ свидѣтельствъ у южныхъ славянъ о томъ.

2. Этимологія имени Перуна и теперь ясна для южнославянскихъ языковъ, особенно для болгарскаго.

3. Свидѣтельство Прокопія о культѣ громовника у южныхъ славянъ неоспоримо.

4. Первенство, отдаваемое *громовнику* у южныхъ славянъ и *Перуну* у русскихъ, наводитъ на мысль, безъ какихъ-либо постороннихъ доказательствъ, что Перунъ у русскихъ былъ настоящимъ громовникомъ, и у южныхъ славянъ, вѣроятно, громовникъ назывался тоже Перуномъ.

5. Категорично свидѣтельство отца Спиридона; свидѣтельство замѣны имени Зевса именемъ Перуна въ извѣстной Александріи, памятникъ южно-славянскаго происхожденія; свидѣтельство изъ рукописи «Сокровище дѣтемъ», а также и свидѣтельство Априлова.

6. Обширное употребленіе личныхъ, крестныхъ именъ: Перунъ, Перуна, Перунка, Перуница, Перуника, Парунъ, Паруна, какъ и фамильное Перуничъ, встрѣчающихся до сихъ поръ у южныхъ славянъ, нельзя объяснить простымъ заимствованіемъ, а только тѣмъ, что они являются остатками отъ языческой эпохи.

7. Точно такими же являются топографическія названія: Перуна весь, Перуни врхъ въ Хоруганіи, Перунъ—вершина въ Истрійскомъ полуостровѣ, Перунъ въ Боснѣ, Перунъ-Дубрава

въ Хорватіи, Перуновацъ, Перуника, Перинатица въ Сербіи, Перинъ върхъ въ Болгаріи, мѣсто Перинъ, Перинъ-планина и село Перинъ въ Македоніи, Перинъ-градъ въ Герцеговинѣ.

8. Латышское названіе цвѣтковаго растенія *Pehrkonas*, посвященное Перуну, наводитъ на мысль, что южно-славянское *перуника* есть дѣйствительно цвѣтокъ Перуна, тѣмъ болѣе, что тоже самое растеніе у Дубровничанъ называется Божьимъ цвѣткомъ — *богиша*.

9. Какъ у многихъ народовъ отъ христіанской эпохи языческое имя громовника замѣнено именемъ св. Ильи, точно такимъ же образомъ подъ этимъ именемъ у южныхъ славянъ должно признать нѣкоторые славянскіе элементы: жертвоприношеніе быковъ, культъ по высотамъ въ дубравахъ, культъ громовержца и т. д.

10. Повѣрье о громовныхъ стрѣлахъ и камняхъ («божи камъне») съ повѣрьемъ о существованіи борьбы между громомъ (св. Ильи) и змѣемъ, или же между змѣемъ и халой, являются настолько же славянскими, насколько индо-европейскими.

11. Въ апокрифахъ Громникъ, Молніяникъ ничего славянского нѣтъ.

Гор. Софія,
іюль 1903.

